УДК 168.522 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.4(29).26

О.В.Федина

УТОПИЯ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОЖИДАНИЯ

Утопия, представляя собой все трансцендентные проявления, оказывающие преобразующее влияние на историко-социальное бытие, всегда строит модели гипотетических социокультурных сообществ. В статье приводится анализ основных подходов к понятию утопии в контексте того или иного аспекта социогуманитарного знания, при этом особенно актуализируется специфика определения понятия «утопия» в рамках теорий различных научных направлений и исследователей. Сформировав понятие утопии как формы социального ожидания, автор приходит к выводу, что утопия должна пониматься как преобразующий импульс, а не как конкретный контент или план, который очерчивает желаемый социальный порядок. Изучая, как этот утопический импульс проявляется на различных уровнях от сообщества до глобального гражданского общества, можно признать, что концепция утопии как исторической формы социального ожидания может внести значительный вклад в сегодняшнюю антропологическую теорию.

Ключевые слова: утопическая теория, надежда, социальные ожидания, социальный прогноз

Любая историческая эпоха неизменно порождала вопросы о будущем человека в частности и общества в целом. Подобные вопросы становятся наиболее актуальными во времена социальных потрясений, кризисных периодов. Именно в XX и начале XXI столетия проблема социокультурного ожидания и прогнозирования приобрела новое звучание и связана, в первую очередь, с теми социокультурными процессами, общественными катаклизмами, которые вынудили рассматривать вопрос о наличии у современного человека объективной возможности существовать. В XX веке становятся отчетливо видны процессы деформации и трансформации фундаментальных оснований человеческой жизни, обострение чувства потери стабильного и привычного бытия. Наиболее острыми эти вопросы являются для российского общества, поскольку исторические события и в начале XX века, и в его конце, явили собой резкий перелом привычного уклада жизни и потребовали от человека быстрой адаптации к «социальным ценностям и способам организации совместной жизни» [1, с. 237] и меняющейся социокультурной среде.

Существование человека в нынешнюю эпоху невозможно представить вне политического, социального и экономического контекстов. Зачастую именно национальная и государственная принадлежность становятся основным фактором формирования идентичности. Роль национальной идентичности в стабильном и устойчивом существовании государства неоспорима, а зачастую именно она определяет дальнейшее развитие государства или нации, выживание в кризисной ситуации. «Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с «нацией-государством» [2], принадлежность к которым определяет процессы самоидентификации человека. Политическая сфера жизни во многом определяет запросы и потребности человека. «Социальная идентичность связана с категоризацией, благодаря которой устанавливаются различия между “своими” и “чужими”» [3], однако ее роль в формировании представлений о желаемых состояниях будущего для человека неоспорима.

Таким образом, социальные ожидания человека всегда будут связаны с бессознательным отождествлением личного и национального будущего. Наиболее привлекательный вариант развития будущих событий неразрывно связан с понятием социального идеала. Когда речь идет об описании и анализе понятий, связанных с социальным идеалом и его ожиданием, научная традиция обращается, прежде всего, к категории утопии. Однако рассмотрение этой категории в рамках того же структуралистского подхода, осложнено несколькими моментами. В первую очередь, многообразие трактовок категории утопии осложняет оперирование данной категорией, порождая терминологическую полемику и необходимость оговорок при использовании термина «утопия». Во-вторых, категория утопии, как любое научное понятие, фиксирует определенный «угол зрения» или совокупность нескольких «углов зрения» на культурно-исторический материал, что благоприятствует движению научной мысли в определенных направлениях, а в других — препятствует.

Современная культурологическая и философская мысли часто понимают утопию, как преобразующий импульс, а не как конкретное содержание или план, который очерчивает желаемый социальный порядок или в качестве «проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь» [4]. Такой подход к определению утопии, как основной формы визуализации ожиданий социального идеала на различных уровнях от сообщества до глобального гражданского общества, позволяет сделать вывод, что концепция утопии может внести, по меньшей мере, два вклада в сегодняшнюю антропологическую теорию культуры. Во-первых, это может помочь проанализировать массовые социальные явления, вовлекающие различные социальные группы. Исключительные социокультурные, исторические явления, и сформированные у целых поколений под их влиянием ожидания социального идеала, могут быть продуктивно интерпретированы через призму утопизма. Второй аспект значимости изучения утопизма в контексте социального ожидания, восходит к идее К.Мангейма о том, что утопии являются «ситуативно трансцендентными» идеями и практиками. В то время как

антропология активно изучает встречи между различными мирами в пределах определенной социокультурной исторической ситуации, она менее внимательна к возможностям и мирам, «еще не существующим». Определяя утопию как преимущественно литературную традицию, К.Мангейм классифицировал тексты главным образом на основе их формального сходства с утопией Томаса Мора. Однако К.Мангейма интересовали не утопические текстовые произведения, а то, что он впоследствии назвал в более широком смысле — «утопическим менталитетом»[5, с. 20]. Хотя Мангейм не был первым автором, предложившим более широкое представление о том, что следует рассматривать как «утопическую мысль», он, безусловно, был одним из тех, кто наиболее явно излагал в то время конкретные политические последствия утопизма. Утопия у К.Мангейма всегда носит хотя бы отдалённо, но революционный характер и связано это с природой человека, который: «если он не намеревается взорвать эту общественную структуру — неизбежно будет вынужден отказаться от своих благородных мотивов» [5, с. 115-116]. В этом мы можем найти его второй существенный разрыв с общими взглядами утопии того времени: он дал этому термину позитивную коннотацию. Прежде чем двигаться дальше, важно отметить, что утопия и ее родственные понятия не всегда получают воспринимаются одинаково. Например, беспокойство исследователей по поводу словаря утопии заставило некоторых из них отказаться от этого термина, все еще признавая центральность надежды и политического воображения. Логичным кажется на данном этапе разделить понятия «утопия» и утопизм», поскольку «утопизм» всегда означает нечто абстрактное, умозрительное, нереальное [6, с. 15], то есть не выходит за рамки первого этимологического значения «утопии» — места, которого нет нигде [7, с. 16].

Более глубокое рассмотрение утопии в контексте социокультурных исследований может внести существенный вклад в перенос внимания культурологии и критической антропологии с субъекта на предмет ожидания, надежды. Эта концепция позволяет не только сформулировать характерные черты утопии, как исторической формы социокультурного ожидания, но и сформулировать методологию для практического использования утопических проявлений культуры. Культурологическая значимость концепции утопии возрастает, когда мы отходим от рассмотрения динамики внутри сообщества и обращаем внимание на более широкие контексты, особенно контексты, в которых участвуют различные субъекты.

Закрывать дискуссию об утопии в ее классическом понимании на этом этапе было бы преждевременно. Утопическая теория может предложить больше, чем просто размышления о воплощенных в жизнь социокультурных ожиданиях. В контексте прогнозирования и конструирования социальных ожиданий, безусловно, необходимо рассматривать связь между утопическими теориями и социальными науками. Основное внимание при этом, на наш взгляд, стоит уделять не содержанию или форме утопии, а скорее ее конкретному определению и противопоставлению данному общественному порядку: «Философия задает утопические координаты культуры не тогда, когда она формулирует утопии в собственном (узком) смысле слова, описывая, каким ей видится будущее. <…> Философы создают свои утопии тогда, когда формулируют основоположения своих учений, систем» [8, с. 11-12].

В данном контексте необходимо упомянуть, что Д.Р.Сувин, в 1970-х годах сыгравший ключевую роль в возрождении интереса к утопии как концепции, относящейся к социальному анализу, опирался на экзистенциалистскую традицию, для которой концепция ситуации была центральной. Он предложил, чтобы мы уравновесили переопределение насильственных социальных и исторических ситуаций тем, что, перефразируя Жан-Поля Сартра, «определено пустотой», а именно надеждой, утопическими проектами и свободой. Д.Р.Сувин, будучи представителем западной школы социологии литературы, рассматривал утопию в связи с глобальной и локальной политическая экономикой, с проблемой социального неравенства, которые были важными вопросами антропологии в течение долгого времени. Понятия утопия / дистопия появляются вместе с идеей о том, что фактически, многие нации, которые имеют дело с властными отношениями и условиями жизни в колониальном, империалистическом или неолиберальном обществах, представляют то, что можно назвать «живыми дистопиями». Внимание акцентируется на том, что разделяют эту «живую дистопию» прежде всего коренные народы. Ситуация с коренными народами и неолиберальная ситуация представляют собой концепции, которые создают сравнительные мосты между различными контекстами с аналогичным сочетанием с глобальной политической экономикой. Вопреки тому, что общекультурное развитие роднит этносы и постепенно сглаживает различия в уровне жизни и комфорта, совокупность исторических событий, сложившаяся в уникальный путь, преодоленный этносом в течение существования, откладывается в его коллективной памяти и создает базовые конструкции, царящие над ним, воссоздающие особенный порядок существования и методы осмысления действительности.

В таком контексте утопия, как форма социокультурного ожидания, отражает важность общей «судьбы» народа, которую можно рассматривать как возникающую из ландшафта и памяти, из населенного места и из миров, еще не присутствующих в общей исторической ситуации группы. Однако, учитывая тот факт, что утопические концепции в основном рассматривались в середине XX века именно в таких ситуациях высокого давления, как национальный конфликт, заметно, что более ориентированные на будущее аспекты ожиданий и желаний, не говоря уже о выражении надежд, стали играть несколько второстепенную роль. Этот аспект отсылает нас к антропологической мысли, которая часто касалась вопросов социокультурного воспроизводства, внутригрупповой гармонии, этнического существования, политического выживания и устойчивости «страдающих субъектов». Утопия может вступить в конфликт с идеологией ввиду самой её природы и направленности, и в этом противостоянии утопия акцентирует те аспекты социокультурной реальности, которые придают ей «реально возможную, диалектико-материалистически обусловленную новизну» [9, с. 50].

Методологическая база исследования утопии как исторической формы социокультурного ожидания будет неизменно включать в себя системный подход к изучению связи общества и утопии, и влияния утопических концепций на культуру в целом. Также необходимо применение функционального подхода и учета диалектического единства логических и историко-социологических метолов исследования. Исследование утопии как формы социального ожидания имеет два важных методологических значения. Первое — «этнографическое», в том смысле, что целью исследования является документирование надежд, ожиданий, политических альтернатив и многих форм социального воображения, встречающихся в конкретной социокультурной ситуации. Второе значение переплетено со вторым аспектом антропологической работы, который называется «утопическим» моментом антропологии и критической теории в целом. Этот момент дополняет выявление надежд и социальных мечтаний о «других» и включает в себя привнесение в дискуссию наших собственных представлений о «добре». Это теоретически отчетливый, но, возможно, сопутствующий во времени момент политического взаимодействия, когда антрополог участвует в утопическом проекте и в потенциальных мостиках между контекстами.

Исследования социокультурных ожиданий, и утопии в частности, невозможны без применения историко-ретроспективного метода для анализа утопических проявлений прошлого, синхронного и диахронного анализ, функционального метода анализа утопии как феномена культуры через функции, выполняемые ими в социокультурной системе. Также достаточно перспективным методологическим принципом в изучении утопических проявлений является подход, который предполагает существование неизменных архетипических структур человеческого сознания, которые являются отправной точкой для всех явлений культуры и обнаруживаются при их анализе.

Второй методологический принцип, тесно связанный с первым, заключается в тенденции изучения процессов и результатов познавательной деятельности с точки зрения их детерминированности внешними по отношению к содержанию этой деятельности факторами. Внутри этого методологического принципа можно выделить два наиболее значительных подхода, связанных с идеями социально-экономической и психологической детерминированности явлений общественного сознания (в настоящей работе привлекается прежде всего вторая из названных тенденций научной мысли); виднейшими фигурами и в значительной степени родоначальниками этих подходов принято считать соответственно К.Маркса и З.Фрейда. Совокупность подобных методов и подходов делает возможным изучение утопии не только как формы духовно-ценностного освоения социокультурной реальности, но и как феномена культуры в общем.

Таким образом, «утопиями являются все те трансцендентные бытию представления, которые когда-либо оказывали на историко-социальное бытие преобразующее воздействие» [5, с. 151]. Эта антропология надежды, социального ожидания переопределяет методологию социальных наук вокруг положительной нормативности, «антропологии добра», вокруг понимания политических проектов как индивидуальных устремлений, которые не определены как исключительно оппозиционно по отношению к имеющимся социальным установкам. Утопия, или то, что люди называли социальным идеалом, это состояние веры в определенный мир, а не фактическое место реальном в мире. Точнее, поскольку утопия — это состояние веры, ее можно применить к религиозным или политическим структурам, чтобы сформировать у людей идею о возможности существования идеального мира. Она должна пониматься скорее, как преобразующий импульс, а не конкретный контент или план, который очерчивает желаемый социальный порядок.

Результаты исследования утопии как формы социокультурного ожидания могли бы внести вклад в различные области знания в зависимости от рассматриваемого аспекта. Так, в социальной философии результаты исследований могут использоваться для изучения утопических социалистических идей, различных компонентов общественного сознания и их взаимодействия на различных уровнях, прежде всего на уровне массового сознания. В социальной психологии утопический аспект может использоваться в исследовании психологии масс.

Для культурологии первостепенным аспектом будет являться осмысление и выявление символических проявлений культуры в различных культурах истории общества, которые указывают не просто на абстрактные утопические представления, а на конкретные социокультурные ожидания той или иной общности людей. Выводы, сформулированные в данной работе, могли бы быть использованы при разработке курсов культурологии философии истории, социальной философии, культурологии, религиоведения. Помимо этого, итоги могут применяться при разработке общественно-политических стратегий, принятии административных заключений, разработке идеологический кампаний общественно-политических партий.

---

1. Маленко С.А., Некита А.Г. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества. Монография. Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 2008. 298 с.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электр. ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 12.04.2020).
3. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире [Электр. ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. URL: https://socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/2/12.pdf (дата обращения: 12.04.2020).
4. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев. М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 2014. С. 542-544.

5. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое сознание. М.: Прогресс, 1991. 318 с.
6. Шестаков В.П. Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 15.
7. Audun J. Morch. The novelistic approach to the utopian question. Platonov`s Cevengur in the light of Dostoevskij`s anti-utopian legacy. Oslo: Univ. of Oslo. Fac. of arts, 1997. P. 16.
8. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры [Электр. ресурс]. URL: https://guseinov.ru/publ/Utopia.html (дата обращения: 12.04.2020).
9. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 50.

References

1. Malenko S.A., Nekita A.G. Arkheologiya Samosti [Archaeology Of The Self]: arkhetipicheskiye obrazy osushchestvleniya Chelovecheskogo i formy ego sotsial'nogo oborotnichestva. Monografiya. Velikiy Novgorod: IPTS NovGU, 2008. 298 p.
2. Hobsbaum E. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. [Nations and nationalism after 1780]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1998. Available at: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html) (accessed 12.04.2020).
3. Kochetkov V.V. Nacional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire [National and Ethnic Identity in the Modern World]. Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. 18: Sociologiya i politologiya, 2012, no. 2. Available at: https://socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/2/12.pdf). (accessed 12.04.2020).
4. Osipov G.V., Moskvichev L.N. Sociologicheskiy slovar' [Sociological dictionary]. Moscow, 2014, pp. 542-544.
5. Mangejm K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. Utopiya i utopicheskoe soznanie. Moscow, Progress Publ., 1991, p. 318.
6. Shestakov V.P. Ponyatie utopii i sovremennye koncepcii utopicheskogo [The concept of utopia and modern concepts of utopian]. Voprosy filosofii, 1972, no. 8, p.15.
7. Audun J. Morch The novelistic approach to the utopian question. Platonov`s Cevengur in the light of Dostoevskij`s anti-utopian legacy. Oslo, Univ. of Oslo, Fac. of arts, 1997, p.16.
8. Guseynov A.A. Filosofiya kak utopiya dlya kul'tury [Philosophy as Utopia for Culture]. Voprosy filosofii, 2009, no. 1. Available at: https://guseinov.ru/publ/Utopia.html). (accessed: 12.04.2020).
9. Bloh E. Princip nadezhdy [Principle of hope]. Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Moscow, Progress Publ., 1991, p. 50.

Fedina O.V. Utopia as a historical form of sociocultural expectation. The article provides an analysis of the main approaches to the concept of utopia, in the context of one or another aspect of humanitarian knowledge. Utopia seems to be a phenomenon that builds models of hypothetical sociocultural communities. It includes diverse social and cultural possibilities. The study is conducted taking into account the specifics of the concept of "utopia" in the framework of theories of various scientific fields and researchers. Having formed the concept of utopia as a form of social expectation, the author comes to the conclusion that utopia should be understood as a transformative impulse, and not a specific content or plan that outlines the desired social order. Studying how this utopian impulse manifests itself at various levels from the community to the global civil society, one can recognize that the concept of utopia as a historical form of social expectation can make a significant contribution to today's anthropological theory. The study seeks to deepen our understanding of how the concept 'utopia' can be applied in modern cultural studies. We presume that in the historical perspective, the transforming potential of ideology and utopia is quite high.

Keywords: utopian theory, hope, social expectations, social forecast.

Сведения об авторе. Ольга Викторовна Федина — аспирант кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Ведущий библиотекарь отдела литературы по искусству Новгородской областной универсальной научной библиотеки; ORCID: 0000-0003-4134-1517; of3434@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.